

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Е.А. Здравомыслова,
А.А. Тёмкина*

В статье рассматриваются основные черты гендерного порядка, сформированного посредством государственной политики по вовлечению женщины в общественное производство и политическую жизнь, государственного регулирования семьи, формирования и изменения официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность. Авторы демонстрируют, как советское государство создавало гендерный порядок, как и почему менялись принципы гендерной политики на разных этапах социалистического строительства, и каким образом эта политика осваивалась различными категориями населения.

Ключевые слова: гендер, гендерный порядок, этакратия, государственная политика.

В данной статье мы анализируем советский гендерный порядок и называем его этакратическим, поскольку жесткая авторитарная государственная политика, начиная с 1917 года, была направлена на различение граждан по признаку пола. Создание «нового» советского гендера («новой женщины», «нового мужчины» и новых отношений между полами) происходило в рамках политики по вовлечению женщины в общественное производство и политическую жизнь, государственного регулирования семьи формирования и изменения официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность.

Наша задача — показать, как советское государство создавало гендерный порядок, как и почему менялись принципы гендерной политики на разных этапах социалистического строительства, и каким образом эта политика осваивалась различными категориями населения. В своих выводах мы опираемся как на наши собственные исследования, так и на работы других авторов [Ashwin, 2000; Kon, 1995; Lapidus, 1977; Rotkirch, 2000]. Мы рассматриваем государство как институт, осуществляющий гендерное регулирование через политики принуждения и выступающий в качестве гегемонного агента контроля гендерных отношений в обществах советского типа.

Государственное управление гендерными отношениями осуществляется двумя типами механизмов. С одной стороны, государство осуществляет нормативное принудительное регулирование, проводя политику пола и гендера в законодательных актах разного

уровня [Connell, 1987. P. 126]. С другой стороны, оно создает идеологический аппарат принуждения, контролирующей гендерные отношения через доминирующие официальные дискурсы, задавая рамки репрезентаций.

Для анализа гендерных отношений советского периода мы используем категорию «гендерного порядка», которая включает совокупность разных гендерных режимов (или укладов), создаваемых действиями и стратегиями людей, осуществляемых в рамках заданных институциональных условий. Для конкретных людей – мужчин и женщин – институциональные условия предстают как спектр объективно существующих барьеров и возможностей осуществления их действий и жизненных проектов. В условиях жесткого институционального контроля, характерного для советского общества, варианты жизненных и дискурсивных стратегий были ограничены и носили реактивный характер.

Понятийный аппарат: «гендерный порядок» и вокруг

Проясним смысл аналитических категорий, которые современные исследователи используют для концептуализации гендерных отношений и предложим наше толкование основных понятий. Гендер – это категория, обозначающая социальную организацию половых различий. Американский исследователь И. Гофман определяет гендер как культурный коррелят пола. С 1970-х годов феминистские исследователи используют понятие (*поло*)/*гендерная система*, под которым понимается «набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности, и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности удовлетворяются» [Рубин, 2000]. Гендерные системы являются устойчивыми, их реконструкция позволяет понять, как воспроизводятся социально организованные отношения между полами. Употребление этого термина отсылает нас к традициям структурного функционализма, привлекает внимание к изучению социальных институтов.

Феминистские исследователи утверждают, что социальная организация пола в современном обществе покоится на социально навязанном разделении полов, обязательной гетеросексуальности, разделении предписаний на женские и мужские, ограничении женских прав и социальном контроле женской сексуальности. Вышеперечисленные признаки и составляют суть современного состояния гендерных отношений в большинстве современных обществ.

Дальнейшее развитие категориального аппарата гендерных исследований было связано с конструктивистской критикой структурного функционализма и концептуализацией повседневности как измерения общественной жизни. Конструктивистский подход¹ смещает внимание социальной теории на уровень повседневных взаимодействий. Предметом изучения становится публичный порядок или правила взаимодействия в общественных местах. Гендерные отношения рассматриваются как социально и культурно производимые в конкретных социальных ситуациях. На микроуровне «гендерный порядок» (gender order) проясняется как публичный порядок социальных взаимодействий, организованных по формальным и неформальным правилам или как «гендерный уклад» (gender arrangement).

Впоследствии, по мере развития теоретических подходов, понятия «гендерный уклад» и «гендерный порядок» приобрели более широкий и одновременно достаточно неопределенный смысл. На макроуровне «гендерный порядок» рассматривается как система неравенства и дифференциации, связанная с позициями разных групп мужчин и женщин

¹ См. подробнее об этом в статье: [Здравомыслова... 1998].

в разных сферах экономики, политики и частной жизни. Гендерные отношения регулируются определенными правилами, существуют устойчивые, но подвергающиеся изменениям механизмы воспроизводства гендера.

Дальнейшая концептуализация связана с применением объединительной методологии Пьера Бурдьё и Энтони Гидденса к анализу гендерных отношений. Сочетание структурного и конструктивистского подходов позволяет представить решение проблемы взаимообусловленности структурных условий и социальных действий. Развивается обновленное на основе неомарксизма понимание индивида как стратегически действующего агента; исследователи обращаются к изучению того, «что люди делают, когда они конструируют социальные отношения, в которых живут» [Коннелл, 2000]. Предметом анализа становятся индивидуальные и групповые стратегии, ограниченные институциональными условиями и изменяющие их.

Опираясь на эту методологию в концептуализации социальной организации пола, австралийский исследователь Роберт Коннелл вводит понятие «*гендерной композиции*», обозначающее совокупность практик повседневного (взаимо)действия и структурных условий. Он отказывается от использования термина «гендерная система» и призывает рассматривать подвижные и гибкие элементы взаимодействия структур и практик. Гендерная композиция возникает как совокупность стратегий, осуществляемых в рамках конкретно-исторических контекстов взаимодействия и формирования социальных групп [Connell, 1987. P. 116–117].

На уровне общества в целом гендерная композиция может быть представлена как относительно устойчивый «гендерный порядок», закрепленный в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами. Эти образцы фиксируются в социологическом дискурсе как социальные структуры и институты гендерных отношений. На уровне отдельных социальных институтов гендерный порядок проявляется в разнообразных «*гендерных режимах*». В качестве примеров Коннелл приводит гендерные режимы школы, семьи, государства, подросткового сообщества, уличных взаимодействий и пр. [Connell, 1987. P. 98–99].

При анализе гендерного порядка или режима исследователи пользуются теми же категориями, что и при анализе социальных отношений в целом. Выделяются публичная и приватная сферы; в публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и интимно-сексуальные отношения. В каждой из этих сфер гендерные отношения воспроизводятся и изменяются в результате взаимодействия структурных условий и практик, в них формируются и поддерживаются представления о мужественности и женственности, гендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, проблематизирующие и изменяющие гендерный порядок.

Итак, совокупность гендерных отношений во всех сферах и представляет, по мысли Коннелла, «гендерную композицию». Однако, нам представляется, что термин «композиция», метафорически точно выражая суть подхода, имеет мало шансов прижиться в гендерной теории именно в силу своей метафоричности. Многие социологи, разделяющие методологический подход Коннелла, избегают использования этого термина и предлагают свои варианты обозначения. В разных текстах мы обнаруживаем смысловую близость между такими понятиями, как «*гендерная композиция*», «*гендерный уклад*» и «*гендерный порядок*».

Так, немецкая исследовательница Биргит Пфау-Эффингер в сравнительном анализе гендерного разделения труда пользуется понятием «*гендерный уклад*», который она определяет как рамку социального действия, созданную гендерной культурой (ценностями, идеями и идеалами), гендерной системой (институтами), социальными практиками и коллективными действиями. Гендерный уклад изменяется за счет конфликтов и переговоров социальных акторов. «Социальные практики и структуры гендера концепту-

ализируются как результат сложного взаимодействия гендерной культуры, институтов и социальных акторов» [Пфау-Эффингер, 2000].

С другой стороны, английская исследовательница Сара Ашвин вслед за Коннеллом использует категорию «гендерный порядок», обозначая им взаимообусловленность институтов и гендерной идентичности [Ашвин, 2000]. Отметим, что аналитический аппарат гендерной теории не является устоявшимся, продолжается поиск наиболее адекватных терминологических средств для анализа проблемы в рамках объединительной парадигмы.

В данной статье мы используем понятие «гендерный порядок», во-первых, для описания гендерных отношений на уровне общества в целом и, во-вторых, в отдельных сферах/институтах. Нас интересует, в первую очередь, государственно-институциональное и дискурсивное регулирование гендерного порядка. В-третьих, мы описываем гендерные стратегии, развиваемые людьми в повседневной жизни, как составляющую «гендерного порядка».

Понятие «гендерный уклад» для нас является значимым при анализе гендерных отношений в особых социальных слоях, общностях или средах, определяемых по принадлежности к классу, этничности, выделяемых по характеристикам стиля жизни. При этом мы исходим из представления о многоукладности российского гендерного порядка, несмотря на единую государственную политику и гомогенность официального дискурса.

Этакратическая система и гендерный порядок

В наших рассуждениях мы исходим из того, что гендерный порядок в советском обществе был этакратическим, то есть в значительной степени определялся государственной политикой, задающей возможности и барьеры действий людей¹. Опираясь на идеи М. Фуко, исследователи выделяют два основных структурных элемента дискурса власти (официального дискурса), в которых выражается государственная политика: нормативные и нормализующие суждения. Применяя эти положения к изучению гендерного порядка в советском обществе, мы относим к нормативным суждениям официальные директивные документы партии и государства и правовые акты разного уровня. Нормализующие суждения власти, регламентирующие повседневную жизнь, можно обнаружить при анализе документов общественных организаций, официальных СМИ, текстов, рекомендованных комиссиями коммунистической партии по агитации и пропаганде.

Однако официальный дискурс советской власти не был когерентным и последовательным. Гендерная идеология, которая лежала в основе политических решений, часто была противоречивой, отражающей (по крайней мере в до- и постсталинский периоды) вне- и внутривнутрипартийные дебаты. Несмотря на действующую государственную машину нормализации и контроля, тоталитарный идеал управления не был достижим, и конкретные люди, принадлежащие к разным средам и социальным общностям, вырабатывали разнообразные жизненные стратегии. По типам можно выделить стратегии эмиграции, эскапизм, пассивные и активные формы сопротивления и приспособления [Фишпатрик, 2001⁶]. Индивидуальные и семейные стратегии вырабатывались на основе знания явных и скрытых правил игры, на которых была построена деятельность советских социальных

¹ Этакратическая стратификационная система характеризуется следующими особенностями: государственно-монополитический способ производства, процесс постоянного углубления огосударствления, милитаризация экономики, сословно-слоевая стратификация иерархического типа, при которой позиции индивидов и групп определяются их рангом, присвоенным государственной властью, отсутствие гражданского общества, правового государства и наличие системы подданства, партократии [Радаев... 1996. С. 260].

институтов. Эти правила осваивались, создавались и затем воспроизводились, советские люди приспособляли их к своим нуждам и видоизменяли их исподтишка.

Дискурс власти через нормативные и нормализующие суждения, а также соответствующие им практики, задавал не только *большой мир официальных подвигов*, но и порождает адаптивные жизненные стратегии «маленького мира» простых обывателей. Советское общество характеризовалось дихотомией высокого и низкого дискурсов, которую блестяще реконструируют Ильф и Петров: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь уйди-уйди, написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно — как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода. ...В советское время, когда в большом мире созданы идеологические твердыни, в маленьком мире наблюдается оживление. Под все мелкие изобретения муравьиного мира подводится гранитная база «коммунистической идеологии». ...И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук «Мечта ударника», толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка «Купающаяся колхозница» и дамские пробковые подмышники «Любовь пчел трудовых» [Ильф... 1995⁶. С. 87].

Мы не будем здесь воспроизводить дискуссию о публично-приватной сфере советского периода, о неформальном, втором, параллельном обществе. В данном случае мы рассматриваем этакратический советский гендерный порядок на нескольких уровнях: уровне нормативных актов и официальных идеологий (нормализующих суждений), с одной стороны, и уровне стратегий индивидов и семей, с другой. Для нас важна, в первую очередь, роль государства в создании советского гендера и конкретные стратегии, составляющие ткань советской повседневности. Мы исследуем гендерный порядок в хронологической последовательности. Первый — послереволюционный период — характеризовался конкурирующими дискурсами и политикой мобилизации женщин как особой социальной категорией. В период сталинизма при помощи механизмов репрессий, жесткого контроля в сочетании с политикой социальных гарантий стабилизировался патримониальный этакратический контракт «работающая мать». Либерализация режима после XX съезда КПСС привела к постепенному ослаблению репрессивного и идеологического аппарата этакратии, кризису патримониальной политики и формированию дискурса, оппонирующего официальному.

Обсуждая советский гендерный порядок, в данной статье мы обращаемся преимущественно к анализу государственной политики *в отношении женщин*, поскольку гендерная сензитивность власти проявилась в детальной разработке нормативных актов и мер, регулирующих положение советских гражданок — матерей и работниц.

Периодизация советских гендерных отношений

В работах российского социолога Игоря Кона и американской исследовательницы Гейл Лapidус предложена периодизация советского гендерного порядка на основе партийно-государственной политики в отношении сексуальности и женщин [Кон, 1997; Lapidus, 1977]. В таком подходе символически зафиксировано признание того, что советский гендерный порядок являлся этакратическим, то есть отношения между полами оп-

ределялись, в первую очередь, жесткими рамками государственного регулирования. Несколько иную периодизацию, основанную на выделении нескольких поколений советских людей, имевших разную социализацию и повседневный опыт, предлагает финская исследовательница А. Роткирх [Rotkirch, 2000].

Все эти исследователи выделяют четыре периода советских гендерных отношений. Первый этап датируется 1918 — началом 1930-х годов. Кон определяет его как период большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений. Гейл Липидус называет его периодом политической мобилизации женщин, или периодом женотделов. В целом большевистский период может быть представлен как гендерная политика решения женского вопроса посредством дефамилиализации и политической мобилизации женщин.

Второй этап — 1930-е — середина 1950-х годов — концептуализируется как тоталитарная андрогиния, как период экономической мобилизации женщин. В нем выделяется великий перелом — 1929–1934 годы, которому, как отмечает Тимашев [Timashev, 1946], соответствует традиционалистский откат в политике семейно-брачных отношений. Начало этого периода соответствует первым пятилетним планам индустриализации и коллективизации, проектом культурной революции, а затем официальной декларацией, провозглашающей решение женского вопроса в Советском Союзе. Символическая граница окончания данного периода гендерной политики — 1955-й год, когда был легализован медицинский аборт, и таким образом обозначена либерализация государственной репродуктивной политики.

Третий этап — середина 1950-х — конец 80-х годов — приходится на период политической оттепели, начало которого датируется XX съездом КПСС, кампаниями массового жилищного строительства и новой постановкой женского вопроса, связанного с программой решения демографического кризиса в стране.

Четвертый этап начинается в период политических и экономических реформ конца 1980-х годов, когда существенным образом меняется роль государства в регулировании социальных отношений вообще и гендерных в частности. В данной статье мы ограничиваемся анализом этакратического (советского) гендерного порядка.

Реконструируя гендерные дискурсы, мы обращаемся не только к официальной гендерной политике, но и к свидетельствам художественной, публицистической и научной литературы соответствующих периодов. Для анализа ранних периодов мы будем неоднократно обращаться к «энциклопедии советского быта» — двулогии Ильфа и Петрова.

1 этап: дефамилиализация и политическая мобилизация женщин

Рассмотрим подробнее, каким образом государство создавало новый советский гендер, и, прежде всего, новую женственность в первый большевистский период. В это время в дискурсе власти выдвигается программа решения так называемого «женского вопроса» как вопроса политического. Женский вопрос, сформулированный в отечественном дискурсе в 1860-е годы российскими либералами и революционерами-демократами, в новых условиях был переформулирован большевиками. Женщины были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия по сравнению с парной категорией — мужчинами. Отличия женщин как рода и пола в дискурсе большевистской власти позиционируются как репродуктивно-биологические и социально-политические. С одной стороны, женщина представлена как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии. С другой

стороны, женщины рассматриваются как потенциальные матери и строители социалистического общества, в качестве каковых они должны быть мобилизованы пролетарским государством.

Выдвигая тезис «политической отсталости», «закабаленности» и «темноты» женщин, большевики признавали их неготовность к советской трансформации. Женщины для большевиков представляли политически опасную силу. Как утверждала А. Коллонтай в предисловии к материалам Первого съезда работниц и крестьянок: «Работницы служат оплотом для контрреволюционной и антисоветской агитации»; «работница не столько представительница женской половины пролетариата, сколько многочисленная политически отсталая группа, которую необходимо мобилизовать в спешном порядке перед лицом начавшейся мировой революции» [Коллонтай, 1920. С. 7]. Именно в борьбе с отсталостью женского пролетариата заключался смысл политики решения женского вопроса. Женщины считались отсталым элементом не только потому, что их уровень грамотности статистически был гораздо ниже, чем у мужчин, но и потому, что были оплотом традиционной семьи, оплотом частной сферы жизни.

Необходимость целевой агитационно-пропагандистской работы «среди женского пролетариата» обосновывалась задачами преодоления «темного проклятого наследия, доставшегося нам от капиталистического строя», которое означало, «во-первых, закабаленность женщин неимущего класса в семье, во-вторых, худшие по сравнению с рабочим, условия наемного труда при работе на предприятии; в-третьих, политическую отсталость, несознательность и темноту широких женских масс крестьянства и рабочих, вызванную вековым бесправием и социальным порабощением женщин». «Специальная работа» ставит своей целью пробуждение их классового самосознания и развитие в них революционной воли [Коллонтай, 1920. С. 5].

Политика формирования новой женщины представлена рядом нормативных актов и политических кампаний, призванных вовлечь женщин в советскую публичную сферу, превратить ее в члена советского трудового коллектива: работницу, общественницу и мать.

В статье 18 Конституции 1918 года провозглашалась обязанность всех советских граждан трудиться: «Не трудящийся, да не ест!». Труд на благо социалистического отечества стал государственной повинностью и основой большевистского определения гражданства. Женщина-работница, занятая на социалистическом производстве, стала экономически независимой от мужчины — главы патриархальной семьи, будь то ее отец, муж или старший брат. На предприятии проводилась политика социального обеспечения материнства. В сфере политики уже с 1920-х годов устанавливается система квот для женщин как отдельной категории населения.

В сфере семейно-брачных отношений, то есть в частной, приватной сфере, государственный контроль над которой в либеральном обществе ограничен, были предприняты радикальные меры, призванные существенно изменить отношения между полами. Идеология большевистской семейной политики опиралась на положения, сформулированные классиками марксизма и социал-демократии, которые полагали, что в социалистическом обществе установятся новые свободные формы отношений между полами, в результате чего отомрет семья старого (буржуазного) типа.

В ходе реализации этой идеологии первыми декретами советской власти был узаконен гражданский брак, зарегистрированный в органах местной администрации, ЗАГСх. Разрушалась традиционная религиозно-церковная легитимация супружеских отношений. Десакрализованный светский брак был довольно хрупким социальным институтом. Его неустойчивость определялась радикальным изменением структуры экономических отношений. В условиях национализации частной собственности семья перестает быть экономической единицей в прежнем смысле.

Обратим внимание на законодательное оформление развода супругов, которое свидетельствует о позиционировании брака и семьи в дискурсе власти, то есть показывает нам, какова ценность семьи для данного государства. Декрет 1918 года облегчил процедуру развода, а согласно брачному законодательству 1926 года расторжение брака допускалось в одностороннем порядке, и получила распространение такая практика, как развод по почтовому уведомлению; в это же время были юридически уравниены фактический и зарегистрированный браки. Комментаторы отмечают, что развестись в большевистской России было проще, чем выписаться из домовой книги; средняя продолжительность вновь заключенных браков составляла 8 месяцев, многие браки расторгались на другой день после регистрации [Щеглов, 1995. С. 455]. Остап Бендер в 1930 году, разрабатывая стратегию получения пресловутого миллиона на блюде с голубой каемочкой, замечает: «Еще недавно старгородский загс прислал мне извещение о том, что брак мой с гражданкой Грицацовой расторгнут по заявлению с ее стороны и что мне присваивается добрая фамилия — О. Бендер» [Ильф... 1995⁶. С. 117].

Необходимо обратить внимание на еще один аспект большевистской гендерной политики — политику воспитания новой культуры супружеских отношений. А. Коллонтай пишет в 1922 году о революции нравов: «В советский период разрушается старая семья, и это естественный процесс. Возникает новая семья, где не кровное родство, а общность работы, единство интересов, стремлений и задач будет связывать людей, будет воспитывать из них истинных братьев по духу»¹ [Коллонтай, 1920. С. 10].

Коллонтай выделяет новые формы брака и морали, характерные для раннего большевистского периода: «Любящая пара, а живут врозь. Даже при регистрации брака. Видят урывками. Оба работают. Дело, общественная обязанность — прежде всего. При этом муж демонстрирует большую ориентацию на квартиру, дом и жену. А жена ухаживает и не хочет такой семьи. Хочет работать. И лучше разойтись, чем жить по-прежнему!» [Коллонтай, 1922. С. 15].

Одним из первых декретов советской власти в правах уравниваются дети, рожденные в браке и вне его. Таким образом, из права изымается категория незаконнорожденного ребенка и изменяется отношение к «внебрачной матери». Женщина является трудовой единицей, брак становится *личным делом*, но материнство конституируется как самостоятельная *социальная обязанность*.

Большевистский гендерный проект предполагал, что родительские воспитательные функции во многом возьмут на себя советские коммунальные учреждения. Тем не менее дети имели право на алименты, выплачиваемые отцом в случае соответствующего обращения в суд матери ребенка. Реальное отцовство установить было трудно. Для объявления мужчины отцом достаточно было заявления матери. Презумпция материнской правоты, таким образом, была обеспечена законодательством.

Еще одной из мер большевистской гендерной политики была легализация медицинского аборта (1920). При этом для того, чтобы сделать аборт в государственном медицинском учреждении, женщины должны были пройти комиссию, которая оценивала их материальное положение, состояние здоровья, социальный статус и давала соответствующее разрешение. Этот законодательный акт стал важным шагом в утверждении репродуктивных прав женщин. Однако в текстах большевистских идеологов того времени постоянно подчеркивалось, что этот закон является вынужденной мерой, обусловленной ростом числа криминальных аборт в период послевоенной разрухи, изменением социального строя и аномией. Большевистское государство изначально не рассматривало материнство

¹ Здесь Коллонтай пользуется термином «братья» — в этом мы усматриваем символическое указание на андрогинию как политику выравнивания прав супругов по мужскому образцу.

как частное дело советской гражданки. Материнство объявляется гражданской обязанностью. Согласно дискурсу власти, новая женщина — это гражданка, чей долг не только производить, но и воспроизводить население¹.

Репродуктивная обязанность женщины трактуется не как воспроизводство рода или семьи, а как воспроизводство советского гражданина — члена коллектива или большой трудовой семьи советского народа, строящего коммунизм в условиях враждебного окружения.

В 1920-е годы продвигается социальная и идеологическая политика нового быта, ориентированная на «освобождение женщин от кухонного рабства» и коллективизацию быта. Женский вопрос рассматривается большевиками в категориях борьбы с патриархальной буржуазной семьей, угнетающей женщин, и борьбы за новый быт.

Признавая политическую значимость женского вопроса, большевистская власть использует категории пола и гендера (в данном случае категорию «женщина»), для того, чтобы легитимизировать партийно-государственный контроль частной жизни граждан. Декларированная задача раскрепощения и просвещения женщины предполагала *искоренение* привычных практик частной жизни, в том числе материнских и супружеских. В этом заключался главный стратегический ход тоталитарного государства: разрушить границу между приватной и общественной жизнью человека, сконструировать коллективизированного советского гражданина, отказавшегося от ценностей и привычек индивидуализма во имя построения светлого коммунистического будущего.

Каким образом происходит государственное формирование советской женственности? В рамках нового гражданского контракта государство организует работу политических и социально-воспитательных учреждений, призванных вовлечь женский пролетариат (работниц и крестьянок) в коммунистическое строительство. Политическую мобилизацию осуществляют отделы по работе среди женщин (женотделы), организованные при ЦК РКП(б) и партийных комитетах разного уровня. Социальную политику поддерживает Охранматмлад (Подотдел ЦК и Министерство по охране материнства и младенчества), в ведении которого находятся дома матери и ребенка, консультации, ясли, детские сады, материнские льготы работницам.

Женотделы действовали с 1919 по 1930 год. Первыми заведующими Центрального женотдела стали Инесса Арманд и Александра Коллонтай. Задачи женотделов были определены партийными директивами, закрепленными в резолюциях и постановлениях съездов и конференций. Среди них — «трудовое раскрепощение работниц и крестьянок», вовлечение женщин «в те отрасли производства, где женский труд не применялся или применялся не в достаточной мере» [КПСС... 1953. С. 895], развитие самодеятельности женского пролетариата, борьба «с консерватизмом по отношению к женщине, унаследованном от капиталистического общества» [КПСС... 1953. С. 896].

Большевистская политика выделяла различные категории женщин, различия их по уровню сознательности. Целевыми группами воздействия был, в первую очередь, «женский пролетариат» и «работницы от станка», а также такие социальные категории как «жены рабочих, наиболее сознательные крестьянки, в том числе жены бедняков, батраков и лучшей части середняков». Гендерная [КПСС... 1953. С. 895] политика была этнически сензитивной: особое внимание в партийных документах уделялось специальной работе среди тружениц Востока, подчеркивалась необходимость «содействия их начавшему пробуждению» [КПСС... 1953. С. 755, 896].

На IX съезде РКП(б) (1920) обращалось серьезное внимание «на работу среди работниц и крестьянок», предлагалось усилить работу профсоюзов среди женщин, «привлекая

¹ В то же время мужчина рассматривается как основной тип гражданина, призванный к воинской и трудовой мобилизации. Долг советского гражданина — защита советской Родины, коллективный труд на благо отчизны.

работниц к трудовой повинности и к участию в коммунистических субботниках» [КПСС... 1953. С. 503].

Дальнейшая партийная политика связана с предотвращением перерождения женотделов в автономные организации: такая угроза видимо стала очевидной, когда заведующей Центральным женотделом была А. Коллонтай — одна из лидеров Рабочей оппозиции. Задача КП в это время направлена на усиление руководства и контроля за деятельностью женских организаций. На XI съезде (1922) указывается, что женотделы должны работать в тесном контакте с профсоюзными и советскими органами [КПСС... 1953. С. 648]. На XII съезде (1923) отмечается опасность возникновения «феминистических уклонов», вызванных сложными условиями и замедленным строительством учреждений, облегчающих положение женщин, что чревато отрывом «женской части трудящихся от общеклассовой борьбы».

Кроме женотделов — партийных структур — гендерная политика большевиков была обеспечена созданным сверху движением женских масс: с 1918 года организуются *делегатские собрания*. Делегатки, согласно квоте, выбирались на производственных собраниях работниц и направлялись на политическое обучение, организованное женотделами. Делегатки проводили политику женотделов на местах, представляя образцы общественной активности работниц и крестьянок. «Делегатские собрания соединяют партию с широкими массами», — отмечается в редакционной статье журнала «Работница», органе женотдела ЦК РКП(б) [Работница. 1923. С. 11].

Отношение к женотделам и делегатским собраниям было двойственным как среди членов партии, так и в других социальных слоях. Б. Фарнsworth описывает внутривнутрипартийные разногласия по женскому вопросу [Farnsworth, 1977. P. 139–166]; Коллонтай отмечает сопротивление мужей, которые, в знак протеста против раскрепощения жен, сжигали бумаги женотделов [Коллонтай, 1923⁶. С. 190]. Конфликт между супругами представлен и в письмах работниц, поступающих в журналы женотдела («Коммунистка», «Работница», «Крестьянка»), и в наивной прозе агитпропа, опубликованной в этих журналах и в других изданиях [Работница, 1923; Коллонтай, 1923⁴].

Постепенно под воздействием структурных ломок и целевой политики меняются представления и практики нормативного семейного уклада. Семья действительно оказывается сожительством двух экономически независимых субъектов, которые объединены чувствами любви, товарищества и родительскими обязанностями, выполнение которых поддержано воспитательными и социальными учреждениями. Такой союз, не освященный церковью, не фундированный правом частной собственности, легко расторгается, тем самым оказываясь более хрупким, чем традиционный патриархальный и буржуазный брак. При этом советские работники могут быть мобилизованы государством на выполнение срочных задач коммунистического строительства, и воспитание ребенка ложится на плечи матери-работницы, старших членов семьи и советских воспитательных учреждений. В связи с тем, что большевистская политика того времени приводит к ослаблению семейно-брачных уз, нам кажется уместным назвать этот период политикой дефамилиализации.

Итак, гендерная политика является значимой частью революционных преобразований. Женщина мобилизуется государством в систему общественного коммунистического производства. При этом материнство поддерживается социальной политикой, и государство конструирует контракт между советской работницей и новой властью. Нормативные суждения власти определяют родительство преимущественно как материнско-государственную функцию. Отцовство репрезентируется как экономический долг. С этого периода начинается традиция отчуждения отцовства, которая поддерживается государственной политикой [Kukhterin, 2000. P. 71–90]. Этакратический гендерный порядок институционализирован как гендерно-поляризованный, несмотря на декларацию политического равенства полов. Концепция материнского долга женщины входит в обо-

рот идеологического и политического манипулирования. Теории материнских инстинктов и материнского счастья женщины находят выражение в официальном дискурсе.

В советской историографии процесс государственной мобилизации женщины на службу советского строительства рассматривается как эмансипация женщин и решение женского вопроса. И в самом деле, рост грамотности женского населения, освобождение от экономической зависимости в семье — это важные результаты данной политики, но при этом мы не должны забывать, что освобождение от патриархальной зависимости и «окультуривание» предполагало политическую мобилизацию женщины, закрепленную гендерным социальным контрактом между работницей-матерью и государством.

Однако суждения власти не прямо транслируются в практики повседневности. В результате приспособления общества к этатрической политике формируются разнообразные гендерные уклады. Для представления о гендерных укладах необходимо обратиться к основным социальным различиям того времени.

Государственно-организованная сословная стратификация 1920-х годов сказалась на формировании различных гендерных укладов. Категории граждан, которые определялись как «классово чуждые и эксплуататорские» нетрудовые элементы (кулаки, нэпманы, торговцы, служители культа, бывшие служащие и агенты царской полиции, бывшие помещики и иные) были ограничены в политических и социальных правах. «Лишеницы» не имели избирательных прав, не могли вступать в профсоюзы, состоять на советской службе, работать на фабриках и заводах, их дети не могли учиться в университетах и служить в армии. Они не получали продовольственных карточек и не рассчитывали на государственную поддержку [Щеглов, 1995; Чуйкина, 2002]. На эти сословия не распространялась и политика советского гендера. Для изменения социального положения представители данных слоев зачастую использовали стратегии сокрытия социального происхождения, фиктивных браков и разводов, позволяющие им стать полноправными советскими гражданами. Стратегии адаптации опирались на ресурсы гендерно-маркированного воспитания, приобретенного в дореволюционный период — образованность, знание иностранных языков, музыка, танцы, хобби и другие навыки [Чуйкина, 2000].

Эффективность государственного конструирования гендера различается для разных возрастных групп первого поколения советских граждан. Новые тенденции брачной и сексуальной жизни распространяются прежде всего на городскую молодежь. В романе «Золотой теленок», события которого относятся к 1930 году, Варвара Лоханкина восклицает в адрес своего мужа, которому она предпочла советского служащего, инженера Птибурдукова: «Подлый собственник! Понимаешь, этот крепостник объявил голодовку из-за того, что я хочу от него уйти». И далее, к Лоханкину: «Ты не смеешь голодать — это бунт индивидуальности. Общественность тебя осудит. Взбесившийся самец, тиран, собственник!» [Ильф... 1995⁶. С. 121].

Любовь в новом поколении трактуется как вид сексуальной энергии, который можно сублимировать в разных формах общественно-полезного труда. Обратимся еще раз к Остапу Бендеру, который, возвращаясь в Черноморск в качестве новоявленного миллионера, рассказывает попутчице о перипетиях своего чувства к Зосе Синицкой: «Теперь я страдаю, — говорил он. — Величественно и глупо страдаю». «Это нестрашно, — сказала девушка в мужском пальто. — Переключите избыток своей энергии на выполнение какого-нибудь трудового процесса. Пилите дрова, например. Теперь есть такое течение» [Ильф... 1995⁶. С. 311].

В повседневной жизни данный период характеризуется смешением старого и нового быта, традиционных и новых образцов поведения, разломом поколений и соответствующих нравов. При этом, несмотря на все новаторство, в советской молодежной среде воспроизводятся патриархатные ожидания, которые предполагают, что муж ответственен за материальное состояние семьи. Так, например, отказывая соискателю своей руки, бухгал-

теру Корейко, Зоя Синицкая, у которой «был тот спортивный вид, который за последние годы приобрели все красивые девушки», отвечала, что «...в данный момент выйти замуж она не может. Да и какая жизнь у них может выйти: у нее искания. А у него, если говорить честно и откровенно, всего лишь 46 рублей в месяц» [Ильф... 1995^b. С. 94]. В страдах совслужащих и студентов от мужчины ожидается выполнение роли добытчика. Действия супругов характеризуют традиционные двойные стандарты. «Двести рублей, которые ежемесячно получал ее муж на заводе «Электролюстра», были оскорблением для Элочки, которая занимала общественное положение домашней хозяйки, жены инженера Шукина». Чтобы сэкономить, Эрнест Павлович брал на дом вечернюю работу, отказался от прислуги, разводил примус, выносил мусор и даже жарил котлеты [Ильф... 1995^a. С. 269].

Государственная мобилизация населения приводит к вынужденному номадизму советских граждан и сказывается на воспроизводстве традиционных черт семейно-брачного уклада. Пример этому – хрестоматийное расставание молодоженов Грицацовой и Бендера. «Герой покидает новобрачную ночью или на рассвете, когда она спит, что символизирует различие призваний и семейных ролей мужчины и женщины («ей – постель, дом, любовь, ему – дорога, бой, труды» [Щеглов, 1995. С. 535]. Бендер заранее планирует срочный вызов центра на другой день после брака. «Выезжаю докладом Новохоперск», – сообщает его записка, оставленная на столе в супружеской спальне. Приоритет общественного долга мужчины легитимизирован. Остап срочно мобилизован для прочтения докладов в Новохоперске и Малом Совнаркоме (под этим предлогом он отправляется на поиски сокровищ мадам Петуховой). Молодое урбанизированное население в большей степени продвигало новые формы гендерных отношений, но и там были заметны патриархальные пережитки. Старшее поколение, лишенцы, крестьяне и отдельные категории совслужащих были теми социальными группами, в жизни которых превалировал традиционный семейно-гендерный уклад, и браки были более устойчивыми.

Итак, на первом этапе советской гендерной политики, поднявшей и разрешившей «женский вопрос», женщина была во многом выведена из-под контроля традиционной семьи, ей были предписаны обязанности быть работницей и матерью. Идеология освобождения женщин, воплощаемая через законодательные изменения, кампании «за новый быт», дебаты в женских организациях, никогда не была реализована полностью. В 1920-е годы во многих социальных слоях, особенно в деревне, сохранялся традиционный гендерный уклад, с соответствующими религиозными практиками и патриархальными устоями.

Последствия большевистской политики решения *женского вопроса* были противоречивы: государство, разрушая семью и провоцируя создание женских организаций, рисковало утратить контроль над гражданами. Гендерная политика государства была ужесточена и пересмотрена в контексте задач социалистической модернизации 1930-х годов.

2 этап: стабилизация этакратического контракта «работающая мать»

Рассмотрим следующий этап гендерной политики, который привел к стабилизации этакратического патримониального контракта «работающая мать». В условиях репрессивного политического режима возникали новые адаптивные стратегии ¹.

¹ Особые формы гендерной мобилизации были характерны для военного времени. «Война и гендер» – это проблема, которая заслуживает отдельного исследования. Отметим здесь лишь то, что в ходе военной мобилизации в тылу женщины начинают заниматься теми видами деятельности, которыми раньше занимались преимущественно мужчины. После окончания войны женщины вытесняются со своих вынужденных позиций, возрастает символическая ценность мужчин. В целом, в связи с военной мобилизацией, динамика семейно-брачных отношений, стереотипы женственности и мужественности претерпевают существенные изменения.

В результате структурных трансформаций большого перелома традиционная российская семья разрушалась как экономическая единица и как структура, сакрализованная религиозными традициями. На смену ей пришла новая советская семья.

Новый период гендерной политики совпадает с политикой форсированной индустриализации и коллективизации. В города, на стройки социализма массово мобилизуется мужская рабочая сила. Подневольный номадизм советской жизни способствует расшатыванию традиционных семейных устоев в деревне. Отсутствие инфраструктуры на стройках советской модернизации приводит к разрушению семейного уклада: *«Ну куда возьмешь семью, когда на стройплощадке одни котлованы, а вокруг дикая тайга? Потом можно было взять, обещали мне на Кузнецстрое комнату в семейном бараке, но к тому времени в колхозе жизнь стала налаживаться, жена снова корову купила»* [Фицпатрик, 2001⁶. С. 245].

Коллективизация в деревне также оказывается гендерной проблемой. Партия предпринимает специфические шаги по интеграции женщин в колхозное строительство, категория «крестьянок» в новых условиях остается особой целевой группой политического воздействия. Процессы индустриализации, коллективизации и сопутствующие им миграции, «трудовая повинность» существенно видоизменяют тип семьи.

1930-е годы считаются периодом «великого отступления» от революционной политики по отношению к семье, возвращения традиционалистских норм [Timasheff, 1946]. Однако это не столь очевидно. Во-первых, государственная политика поддерживает новую семью — первоячейку советского общества. Во-вторых, в деревне по-прежнему проводится политика раскрепощения женщин: крестьянок поощряют освободиться от тирании мужей и отцов, отстаивать свой статус независимых колхозниц, равных с мужчинами. В связи с нарастающим увеличением разводов и бегством мужей, матери-одиночки составляли в колхозе значимую социальную категорию ¹.

Гендерная политика, заданная структурными рамками индустриализации и коллективизации, осуществляется дифференцированно по отношению к разным слоям и разным контекстам.

Индустриализация сопровождается новой жилищной политикой, влияющей на модели брачных отношений. Решение жилищного вопроса в период крупномасштабной миграции сельского населения в города и перетасовки городского населения решаются за счет массовой коммуналлизации жилья. Дома-коммуны в реальности остались лишь утопией большевистского периода, но их идея реализовалась в системе рабочих барачков и общежитий.

Описывая общежитие студентов-химиков, Ильф и Петров отмечают: «Розовый домик с мезонином — нечто среднее между жилтовариществом и феодальным поселком... Фанера, как известно из физики — лучший проводник звука. Большая комната мезониона была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти, в два аршина ширины каждый. Комнаты были похожи на пеналы, с тем только отличием, что кроме карандашей и ручек, здесь были люди и примусы» [Ильф... 1995^а. С. 221–222].

Частная жизнь и обустройство быта рассматривались как проявление индивидуализма, эгоизма, пережитков буржуазного прошлого. Коммунальные квартиры становятся симптомом того, что частная жизнь граждан превращается в объект повседневного контроля и надзора; семья как приватная сфера во многом перестает существовать. Перенаселен-

¹ Фицпатрик пишет о том, что «советская власть 30-х годов, если речь заходила о деревне, питала предубеждение против мужчин в пользу женщин, поскольку отрицательные образы, например, кулака, всегда были мужскими, а положительные, например, крестьянки-стахановки — как правило, женскими... Мужчины обладали властью, следовательно, от них исходила большая угроза; женщины, как правило, были бесправны, следовательно не представляли угрозы и их даже можно было привлечь к сотрудничеству как эксплуатируемую (мужчинами — Е.З.) группу» [Фицпатрик, 2001⁶. С. 204]. В деревне крайне незначительное число женщин выдвигалось на руководящие посты, и это признавалось проблемой, для решения которой необходимо было ломать традиционный гендерный порядок.

ная и переделанная коммунальная квартира становится атрибутом советской повседневности [Герасимова, 1998. С. 224–244].

Проиллюстрируем повседневную жизнь коммуналки примером «Вороньей слободки»: «...Обитатели большой коммунальной квартиры номер 3, в которой обитал Лоханкин, считались людьми своенравными и известны были всему дому частыми скандалами и тяжелыми склоками. Квартиру номер три прозвали даже «Вороньей слободкой». Продолжительная совместная жизнь закалила этих людей, и они не знали страха. Квартирное равновесие поддерживалось блоками между отдельными жильцами. Иногда обитатели Вороньей слободки объединялись все вместе против какого-либо одного квартиранта, и плохо приходилось такому квартиранту. Центроостремительная сила сутяжничества подхватывала его, втягивала в канцелярии юрисконсультов, вихрем пронесила через прокуренные судебные коридоры и вталкивала в камеры товарищеских и народных судов. И долго еще считался непокорный квартирант, в поисках правды добираясь до самого всеоюзного старосты товарища Калинина...» [Ильф... 1995⁶. С. 125].

Модели семейно-брачных и интимных отношений во многом определяются физическим пространством проживания. Семейная жизнь протекает под надзором соседей, коммунальное сообщество становится моделью расширенной семьи, в которой женщины выполняют традиционные роли. В условиях коммунального быта сексуальность перестает быть *практикой удовольствия* [Темкина, 2002].

Постепенно тематика сексуальности вытесняется из публичных дебатов, формируется поколение, для которого характерно лицемерное умалчивание своего интимного опыта, преподносимое как общественная добродетель [Rotkirch, 2000]. Осуждение *свободной любви* дополняется государственными мерами по контролю рождаемости. В 1936 году Постановлением ЦИК и СНК СССР запрещаются аборт; одновременно предоставляются льготы многодетным и одиноким матерям, расширяется сеть родильных домов, детских яслей и детских садов, усиливается уголовное наказание за неплатеж алиментов. В 1944 году Указом Президиума ВС СССР делегитимизированы фактические браки, усложнена процедура развода, запрещено установление отцовства внебрачных детей [Гендерная... 2001. С. 105]. Эти меры направлены на укрепление брачных союзов и поддержку материнства.

В условиях отсутствия контрацептивной индустрии и профессионального сексуального образования женщина становится мобилизованной как репродуктивная сила, поставляющая государству граждан. Одновременно она мобилизована как работница: в период форсированной индустриализации при низкой производительности труда государство использует женскую рабочую силу как трудовой ресурс. В это время отменяются многие льготы для женщин на производстве — запреты на работу в ночные смены и в тяжелых условиях труда; создаются движения за овладение женщинами мужских профессий. Двойная мобилизация женственности легитимируется в понятиях гражданского долга и женского предназначения.

Американский исследователь Алекс Даллин пишет, что отношение советского государства к женщине в этот период представляло собой нечто среднее между отношением к генератору и к корове: с одной стороны, она должна была работать на производстве как машина, а с другой стороны, должна была рожать, как корова [Dallin, 1977. P. 390]. Именно в это время развивается официальный дискурс советской суперженщины. Формула двойной нагрузки становится частью нормализованного властью стереотипа женственности, который усвоили многие поколения советских гражданок.

В 1930-е годы сворачиваются многие направления социальной политики. Решение демографических и экономических проблем осуществляется через запретительные меры.

В условиях жестких запретов, репрессирующих общество, возникают новые *стратегии подчиненных*, которые не сводятся к сопротивлению власти, но включают в себя

«уловки, с помощью которых слабые пытаются защитить себя и отстоять свои права друг перед другом так же, как и перед сильными. ...Эти стратегии представляют собой набор способов, позволяющих человеку, на долю которого выпало получать приказы, а не отдавать их, добиваться того, чего он хочет» [Фицпатрик, 2001⁶. С. 12]. На основе изучения повседневной жизни города и деревни 1930-х годов Шейла Фицпатрик выделяет стратегии повседневного пассивного сопротивления (например, религиозного), пассивного приспособления (неохотное признание навязанных государством правил игры), активного приспособления (занятие более высоких позиций в социальной иерархии), стратегии манипулирования: «потемкинские стратегии» (публичные ритуальные действия общественных объединений), апелляции к властям (индивидуальные письменные жалобы и доносы).

В условиях этакратического гендерного порядка формируются и специфические стратегии «подчиненных женщин», использующих формальные возможности и неформальные каналы влияния. Вслед за Фицпатрик можно выделить стратегии активного приспособления (движения стахановок, общественниц), стратегии манипулирования (апелляции женщин к властям), стратегии пассивного приспособления к изменяющейся гендерной политике (в частности, укрепление семьи в целях индивидуального выживания). Все эти стратегии не предполагают протеста против государственной политики, напротив, они в своих целях используют навязываемые правила игры. Рассмотрим данные стратегии подробнее.

Стратегия активного приспособления связана, в первую очередь, с вовлеченностью женщин в общественные движения работников, крестьянок и жен трудящихся инициированные партией и государством. К ним относятся движение за овладение женщинами мужских профессий (трактористки, летчицы), движение общественниц и пр. Участие в таких движениях изменяло горизонт возможностей для женщин, способствовало их социальной мобильности, обеспечивало их новыми ресурсами.

Движение жен руководящих работников (общественниц) реализует традиционалистскую составляющую гендерной политики. Согласно новой политике прославляется и повышается статус жены. Идеология домашней хозяйки как неорганизованного сегмента населения сменяется идеологией советской жены — опоры мужа и семьи. Жены были организованы по месту работы мужа, что означало их подконтрольность советским коллективам. Первоначально общественницы делали то же, что и делегатки в период раннебольшевистской гендерной политики. Движение ориентировалось на проведение политики культурной революции и обустройство быта, однако в дальнейшем (в предвоенное время) приоритеты сместились к освоению женщинами мужских профессий. Участие в данном движении повышало социальный статус и компетентность женщин.

Фицпатрик обращает внимание на то, что стратегии «подчиненных» были конфликтующими. В частности, стахановцы вызывали ненависть большинства работников, поскольку благодаря их производственным достижениям поднимались нормы выработки. Тем более не встречала одобрения позиция женщины-активистки: их успехи на *«трудо-вом поприще влекли за собой попираание авторитета мужчин (отцов и мужей) в семье. Лозунги освобождения женщин от патриархального гнета, сопровождающие стахановское движение, несомненно настолько привлекали некоторых крестьянок (главным образом молодых, но порой и женщин более старшего возраста, овдовевших и брошенных мужьями), насколько казались оскорбительными большинству крестьян»* [Фицпатрик, 2001⁶. С. 21]. Стратегии активного приспособления женщин сталкивались с традиционными стереотипами, ограничивающими их распространение.

Другая стратегия — манипулирование. В 1930-е годы массовый характер приобретают апелляции женщин к властям по поводу семейных конфликтов. Данная стратегия опира-

лась на традиционалистские взгляды и смыкалась с официальной интерпретацией женщины в качестве оплота семьи и необходимости защиты ее интересов. В случае семейных конфликтов женщина позиционировалась как жертва и государство вставало на ее защиту. Проблема многоженства была в центре общественного внимания в середине 1930-х годов, о чем свидетельствует несколько показательных судебных процессов [Фицпатрик, 2001^а. С. 176]. Получают распространение обращения с просьбами о помощи в розысках пропавшего супруга и взыскание алиментов. Попытка найти пропавшего супруга через объявления в газетах, которую осуществляет мадам Грицацуева, видимо, не была исключением. Женщины обращались в партийные органы в случае супружеской неверности, апеллируя к партии, презентующей себя как блюстителя морального облика советских граждан.

Еще одна, наиболее массовая, стратегия – пассивное приспособление к изменяющейся гендерной политике, укрепление семьи в целях выживания. «Неустойчивые и опасные условия жизни делали семью крепче, так как ее члены чувствовали потребность сплотиться во имя самосохранения» [Фицпатрик, 2001^а. С. 169]. Опору семейного уклада составляли женщины разных поколений. Для описания такого уклада Анна Роткирх использует понятие матрифокальности и расширенного материнства, которые выражались в поддержке семейных уз и обязанностей за счет межпоколенческих связей женщин – бабушек, матерей и дочерей [Rotkirch, 2000. P. 115–117].

В довоенной и послевоенной семье, в условиях постоянного дефицита потребительских товаров, мобилизуются традиционные функции разделения труда между полами. Женщины вяжут, шьют, готовят, организуют быт в условиях экономики дефицита: доставляют товар, используя социальные сети. У мужчин есть своя специализация: востребуются их навыки в традиционно мужских видах домашнего хозяйства; ремонте, мастерстве. Как следствие, женщины выполняют «тройную» роль – к материнству и работе добавляется почти профессиональное обслуживание семьи.

Итак, 1930–50-е годы – это период мобилизации женщины на службу государству и партии разными путями как репродуктивной единицы и как рабочей силы. Это период создания нового типа советской семьи, укрепления ее как ячейки социалистического общества, стабилизирующей этакратический контракт «работающая мать». Одновременно именно в условиях репрессивной патримониальной политики женщины вырабатывают «стратегии подчиненных», в которых задействуются традиционные и новые гендерные ресурсы.

3 этап: политическая либерализация и кризис этакратического гендерного порядка

Этакратический характер советского гендерного порядка сохраняется и в периоды хрущевской «оттепели» и брежневской «стагнации»: государство остается главным агентом регулирования занятости, семьи, социальной политики в отношении женщин, формирования и изменения официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность.

Однако в этот период происходит ограниченная либерализация гендерной политики, частичное восстановление частной жизни (приватной сферы) и формирование специфической неформальной публичной сферы, то есть дискурса оппонирующего официальному.

Либерализация гендерной политики связана, в первую очередь, с декриминализацией аборт в 1955 году и усилением государственной поддержки материнства. Кодекс РСФСР о браке и семье 1968 года изменил или полностью отменил большинство законо-

дательных актов сталинского периода. Была упрощена процедура развода, восстановлена возможность установления отцовства [Гендерная... 2001. С. 106].

Новая гендерная политика допускает принятие самостоятельных решений по поводу деторождения. Государство делегирует медицинским учреждениям и семье (в первую очередь, женщине) функции контроля над политикой деторождения [Бараулина, 2002]. Однако эта политика не подкрепляется сексуальным образованием, доступностью надежных современных контрацептивных средств. В результате складывается *абортная контрацептивная культура* (как ее называют демографы), при которой медицинский аборт становится массовым опытом и основным способом контроля репродукции и планирования семьи. Альтернативой прерывания беременности выступают традиционные способы регулирования рождаемости, использование доступных контрацептивов, имеющих репутацию ненадежных и опасных для здоровья женщин и мужчин.

В 1950-е годы, в условиях легализации процедуры медицинского аборта, проявляется репрессивно-карательный характер медицины, которая выступает в качестве института жесткого административного управления телом. Аборт осуществляется массово-поточно, операция происходит с использованием минимальных обезболивающих средств. Существующие «абортные» возможности планирования семьи, хотя и используются повсеместно и повседневно, не удовлетворяют потребностей женщин. В официальном дискурсе аборт замалчивается, в медицинских практиках он становится символом наказания женщины за отказ от выполнения репродуктивной функции.

При этом государство осуществляет пронатальную социальную политику и проводит идеологию, отождествляющую «правильную женственность» с материнством. Многочисленные, но не значительные по величине льготы беременным и матерям в 1970-е–80-е годы, призваны не только стимулировать деторождение. Таким образом, происходит натурализация женской роли — продвижение идеологии материнства как естественного предназначения. Вместе с тем социальная инфраструктура (медицинские, детские дошкольные учреждения, сфера бытового обслуживания) не соответствует потребностям семьи, заставляя осуществлять собственные стратегии по адаптации к структурным проблемам. Использование социальных сетей, родственных связей, прежде всего межпоколенческих, становится повседневной практикой.

Ограниченная либерализация гендерной политики подкрепляется частичной «реабилитацией личной жизни» (приватной сферы), в первую очередь связанной с политической массовой жилищного строительства 1960-х годов. Структуры жилья во многом определяют организацию повседневной жизни людей, в том числе и гендерного уклада семьи. Жилищное строительство 1950-х — 60-х годов приводит к появлению нового типа массового жилья — отдельной квартиры — и новых возможностей для обустройства личной жизни. Семья становится автономной единицей; повседневные интимные отношения, воспитание детей, организация быта выходят за пределы постоянного контроля социалдагав. Контроль за «правильным» осуществлением мужественности и женственности в большей степени, чем прежде, делегируется семье и ближайшему социальному окружению. Семья вступает в своего рода «конкурентные» отношения с государством, стимулируя проблематизацию гендерных ролей в публичном дискурсе.

В официальных дискурсах доминирует интерпретация семьи как «основной ячейки» общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию. Одновременно в дискурсе проблематизируются совмещение ролей матери и работницы, положение одиноких матерей [См., например, анализ прессы за 1984 год: Tartakovskaya, 2000. P. 118–136]. Мужская роль также становится объектом критики в связи с невозможностью осуществления роли монопольного кормильца и защитника [Здравомыслова... 2002. С. 432–451].

В конце 1950-х годов начинается формирование квазипубличной сферы, в неформальных и полупоформальных сообществах развиваются альтернативные ценности и представления о личной и общественной жизни. Социальные проблемы становятся предметом обсуждения в литературе и кинематографе и социальных науках (социологии, демографии, социальной статистике). Формируется дискурсивный критический поток. При этом сохраняется жесткая идеологическая цензура социальной критики. Она имеет крайне ограниченный характер, не затрагивает идеологических и политических основ советского строя и развивается на маргиналиях официального дискурса, где обсуждаются так называемые «не антагонистические» противоречия социалистического общества, в том числе гендерные роли/отношения. Критика идеологемы мобилизованной женственности — работающей матери и мобилизованной мужественности — служителя Отечества воплощается в двух основных дискурсивных вариантах — «кризисе мужественности» и «дисбалансе женских ролей»¹.

Кризис гендерных ролей осмысляется в официальном дискурсе прежде всего в контексте демографического кризиса. Спад рождаемости приходит в противоречие с потребностями трудовой мобилизации населения, усиливается государственная политика, поддерживающая семью. Социальная политика видоизменяет женскую роль, усиливается акцент на материнство.

Среди мер, которые могут изменить ситуацию падения рождаемости, рассматриваются влияние на общественное мнение, пропаганда ранних браков, нежелательности разводов и увеличения размера семей. Другой мерой является экономическая поддержка материнства (увеличение числа детских садов и яслей, увеличение оплаты декретных отпусков и отпусков по уходу за ребенком, приоритеты в распределении жилья молодым семьям, разработка программ помощи семье и пр.) [Борисов, 1976; Lapidus, 1977. P. 132–134].

Проблемы совмещения двух ролей — матери и работницы — осознаются в общественном дискурсе в терминах чрезмерной «маскулинизации» женщин и необходимости ее преодоления через более оптимальный баланс ролей. В этом дискурсе реализуется критика общественного устройства, приводящего к неудовлетворенности женщины своим положением в семье и общественной сфере. Женщина, в отличие от мужчины, рассматривается, в первую очередь, через призму семейно-бытовых отношений, повседневных обязанностей и взаимоотношений в семье. Идеальная советская женщина ориентирована на семью и материнство, но вместе с тем работает на советских предприятиях и в учреждениях, и поэтому дискурсивному анализу подвергается, в первую очередь, проблема совмещения ею двух ролей.

Проблемы «дисбаланса» женских ролей интерпретируются в двух основных вариантах. С одной стороны, мобилизованная для выполнения целей социалистического строительства женщина испытывает трудности в реализации ролей жены и матери. Вовлеченная в общественно полезный труд женщина не справляется с семейными обязанностями, следствием чего являются разводы, проблемы в воспитании детей, одинокое материнство. В качестве альтернативы рассматривается «возвращение женщины в семью». Семья позднесоветского периода, сохраняющая известную дистанцию от государства, служит убежищем. Именно женщины создают границу семьи и социалистической публичной сферы. *«Русская женщина статистически на работе вала куда меньше,*

¹ Диссидентская, в том числе феминистская критика, не оказывает существенного влияния на цензурируемый публичный дискурс. Отметим, что диссидентки-феминистки не получили в 1980-е годы серьезной поддержки со стороны «мэйнстрима» правозащитного движения; диссидентские круги вынужденно отличались более традиционным гендерным порядком по сравнению с «официальным» обществом. См. об этом в работе: [Чуйкина, 1996. С. 61–81].

а дома куда меньше пила. Она соображала лучше и была укоренена в сегодняшнем дне. Она стирала, гладила, красила губы даже в самый разгар культа личности... Любовь для нее была важнее коммунизма...» [Ерофеев, 1999. С. 12].

Одновременно *приватизация* семьи порождает (нео)традиционалистские интерпретации женской роли, предполагающие ограничение участия женщин в публичной сфере. В таком случае на мужчину возлагается ответственность за материальное обеспечение семьи (в терминах Т. Парсонса) и осуществление ее инструментальной связи с обществом.

Однако (нео)традиционалистские интерпретации женской роли не были доминирующими. Существовали и эгалитарные взгляды. Советские социологи и демографы доказывали наличие бытового неравенства мужчин и женщин, преодоление которого является задачей коммунистического строительства [Грушин, 1967; Гордон... 1972]. Исследования бюджетов времени выявили, что женщины-работницы уделяют домашнему хозяйству в 2–2,5 раза больше времени, чем мужчины и соответственно располагают меньшим временем для роста квалификации и развития потенциала личности. Женские занятия составляют основу домашнего хозяйства и поглощают столько внерабочего времени, что образуют своего рода вторую смену женщин-работниц.

В семье фиксируется разделение ролей по половому признаку: в «кухонной работе» «нет никакого равенства — или хотя бы намек на равенство» [Гордон... 1999. С. 115], существуют различия, касающиеся стирки белья, уборки квартиры, воспитания детей и пр. В целом мужчины оцениваются как «менее квалифицированные в домашнем труде» [там же].

Социальное неравенство полов усиливается в браке. В домашних обязанностях замужних женщин-работниц большую роль играет обслуживание мужа. Женщины в неполных семьях (матери детей, рожденных вне брака, вдовы и разведенные) тратят на домашние дела времени примерно на шесть часов в неделю меньше, чем матери детей в полных семьях.

Авторы выделяют следующие причины неравенства в бытовой сфере. Во-первых, сохраняют свое значение нормы поведения, привнесенные из патриархального прошлого. Традиция ориентирует девушек на обслуживание семьи. Во-вторых, зачастую женщины разделяют *домостроевские* убеждения о характере домашнего труда. В-третьих, неразвитость сферы обслуживания, которая приводит к тому, что мужчины и женщины ориентируются на потребление продуктов домашнего труда. В-четвертых, не используются резервы модернизации самого домохозяйства. По мнению женщин, предпочтительна малая механизация предметов быта, при которой сохраняются традиционные формы семейного быта и тем самым стабилизируется семья [Слесарев... 1969].

Из признания социального неравенства мужчин и женщин в сфере домашнего труда следуют рецепты изменения ситуации. К ним относятся развитие сферы услуг, индустриализация быта и механизация домашнего хозяйства. Сторонники таких мер признают, однако, существование *естественных* ограничений политики равенства: домашнее хозяйство *по природе* не поддается обобществлению. В конечном счете, домашнее хозяйство служит упрочению семьи, и потому некоторые его виды не могут быть компенсированы развитием сферы обслуживания.

Второй рецепт предполагает изменения в обычаях и нравах советских людей. Авторы отмечают, что модернизирующееся общество уже привело к освоению мужчинами не привычных для них прежде видов деятельности: «во всяком случае, над мужчинами в наши дни почти не тяготеет своеобразное табу на участие в мелких бытовых закупках, исторические корни которого явно относятся к тому времени, когда женщины-горожанки в подавляющем большинстве были заняты в домашнем хозяйстве, а не в общественном производстве» [Гордон... 1972. С. 114]. Социологи не решаются

объяснить такое вовлечение мужчин в домашний труд проблемами повседневного экономического дефицита.

Однако знание советской повседневности приводит исследователей к выводу, что существенно облегчить домашний труд работающей замужней женщине может лишь помощь родственников. Семьи с помогающими родственниками оказываются в более выгодном положении, межпоколенческая помощь, и прежде всего матрифокальная, оказывается чрезвычайно значимой в организации семейного быта. В советском обществе повседневные стратегии многих женщин предполагали помощь старших родственников, которая компенсировала неразвитость социальной инфраструктуры и способствовала выполнению роли «работающей матери». Другой стратегией облегчения двойной нагрузки стало сознательное ограничение количества детей в семье, позволяющее более гибко совмещать обязанности.

Кризис этакратического гендерного порядка проявился также в проблематизации советской мужской роли. В критическом дискурсе обсуждается «феминизация» и демографический «недостаток» мужчин, низкая продолжительность их жизни, высокий уровень заболеваемости и смертности, массовость вредных привычек, алкоголизма, производственного травматизма. Либеральный лозунг «Берегите мужчин!», получивший распространение в конце 1960-х годов, виктимизировал советского мужчину. В дискурсе о кризисе маскулинности мужчина был представлен как жертва природы, модернизации и конкретных обстоятельств жизни.

Среди мер по преодолению мужской депривации предлагается более жесткий и систематический контроль за здоровьем мужчин, оздоровление семьи, усиление ответственности женщин за правильный образ жизни мужей. Однако, как показывает анализ либерального дискурса, эти меры не могут радикально улучшить ситуацию, поскольку институциональные условия ограничивают возможности реализации «настоящей» мужественности, ориентирующейся на экономическую и политическую независимость, защиту Отечества и служение высоким идеалам.

Либерально-критический дискурс презентует несколько моделей, которые имплицитно показывают, от чего страдают мужчины позднесоветского периода и какими качествами должен обладать идеальный мужчина [См. подробнее: Здравомыслова... 2002. С. 432–451]. Среди нормативных образцов – «русский дворянин», декабрист – человек чести; «советский воин», защитивший Родину-мать на фронтах Гражданской и Великой отечественной войны; романтизированный «западный ковбой». Эти идеалы недостижимы, поскольку они не обеспечены структурными возможностями публичной сферы. Эрзацы настоящей мужественности реализуются в практиках высокого профессионализма, мужской дружбы и романтизированных девиаций [Чернова, 2001. С. 452–479].

Итак, последняя фаза этакратического гендерного порядка характеризуется дискурсивным кризисом советских проектов мужественности и женственности. В рамках критики предлагаются как традиционалистские, так и эгалитарные интерпретации и соответствующие им рецепты реформирования гендерного порядка. При этом все авторы так или иначе ориентированы на перспективы приватизации семьи и натурализацию гендерных отношений.

Заключение

Итак, советский гендерный порядок формировался под влиянием государственной гендерной политики, принципы которой изменялись на разных этапах социалистического строительства. Специфика советского государственного регулирования дает нам основание

назвать этот порядок этакратическим и патримониальным. При этом гендерный порядок не сводился к декларациям официальной идеологии, нормативным и нормализующим суждениям власти. Оппонирующие гендерные дискурсы существовали в послереволюционный период и в период либерализации. На протяжении всего советского периода, в том числе во время сталинского репрессивного режима, в повседневной жизни гражданами вырабатывались и реализовывались адаптивные стратегии подчиненных.

После революции целенаправленная политика большевиков была направлена на решение «женского вопроса». Она предполагала борьбу с «отсталостью» женщин, разрушение патриархальной семьи, формирование новой категории советской гражданки — работницы и матери. Освобожденные от традиционных связей граждане мобилизовывались на выполнение целей строительства социализма, власть семьи, мужа, отца постепенно вытеснялась политическими, законодательными и социальными мерами государства. Несмотря на декларацию гендерного равенства, формировался поляризованный гендерный порядок, при котором различались обязанности мужчины и женщины перед семьей и государством. Освобождение от патриархальной зависимости и «окультуривание» женщины предполагало мобилизацию женщины, закрепленную гендерным социальным контрактом между работницей-матерью и государством.

Столкновение этакратической политики и традиций проявилось в формировании разных гендерных укладов. Для данного периода характерно столкновение старых и новых укладов гендерного порядка, патриархальные устои сохранялись во многих социальных слоях.

Задачи репрессивной социалистической модернизации 1930-х годов изменили и гендерную политику государства. Стабилизация патримониального контракта «работающая мать» означала отчуждение репродуктивных прав, ужесточение контроля и усиление социальных гарантий материнства. Следствием послереволюционной политики явилось разрушение традиционной семьи, усилившееся в ходе форсированной индустриализации, коллективизации и связанной с ними миграции. Поэтому государство изменяет гендерную политику, направляя ее на поддержку семьи и, в первую очередь, материнства. Социальная поддержка и запрет абортот становятся основными механизмами формирования патримониального гендерного контракта. Женщина становится мобилизованной как репродуктивная и рабочая сила. Одновременно развиваются новые адаптивные стратегии к изменяющейся гендерной политике. С одной стороны, советская семья (укрепляемая государством) становится основой индивидуального выживания. На уровне индивидуальных стратегий мобилизуются гендерные ресурсы, обеспечиваемые традиционным разделением труда. С другой стороны, женщины включаются в государственные общественные движения, ставшие лифтами социальной мобильности.

Либерализация режима после смерти Сталина привела к постепенному ослаблению этакратии, дискурсивному кризису гендерного порядка, изменению дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность. В официальных дискурсах доминирует интерпретация семьи как «основной ячейки» общества, усиливается пронатальная социальная политика, поддерживающая материнство. На уровне повседневности происходит «приватизация» семьи, связанная с либерализацией репродуктивной политики, новым жилищным строительством, изменениями в брачно-семейном законодательстве. Одновременно в критическом дискурсе проблематизируются совмещение женщиной ролей матери и работника, положение одиноких матерей. Мужская роль становится объектом критики в связи с невозможностью осуществления роли монопольного кормильца и защитника.

Итак, на всех этапах социалистического строительства государство, осуществляя институциональное и дискурсивное регулирование, выступало гегемонным агентом формирования советского гендера. Однако гендерная политика содержала внутренние противоречия, которые постоянно порождали необходимость приспособляться к ним

и выработать адаптивные стратегии. Кризис гендерных ролей нашел воплощение и в позднесоветских дискурсах, когда государство начало терять контроль над повседневной частной жизнью граждан.

В период постсоветских трансформаций государство окончательно утратило свою конституирующую роль в конструировании гендера. На смену монополюющей гендерной политике пришли рыночные отношения, конкурирующие дискурсы и новые практики повседневности. Появляются новые гендерные роли, новые интерпретации женственности и мужественности, новые акторы производства гендера.

Однако в современном гендерном порядке воспроизводятся многие советские образцы. Гендерные роли интерпретируются как следствие естественных половых различий. При этом сохраняется и стереотип «работающей матери», ставший укорененной традицией. Обеспечение баланса женских ролей сопряжено теперь с новыми трудностями: кризисом советских институтов социальной политики и экономическими задачами выживания семьи. Гендерные отношения стратифицируются в соответствии с социальной иерархией постсоветского общества. Очевидно советское наследие и в проблематизации мужественности. «Кризис маскулинности» распространяется на новые поколения мужчин, не способных в рыночных условиях выполнять роль кормильца семьи. Это не относится лишь к небольшому слою обеспеченных семей. Решение многих проблем ожидается от государства, социальная политика которого признается неэффективной, возникает ностальгия по патриониализму и этакратизму советского образца. Конкуренция старого и нового гендерных порядков создают ситуацию неопределенности и многовариантности.

Список литературы

- Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.
- Бараулина Т. Моральное материнство и воспроизводство женского опыта // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2002.
- Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Наука, 1976.
- Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Завадская. М.: Изд-во БЕК, 2001.
- Герасимова К. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 224–244.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. М.: Наука, 1972.
- Грушин Б. Свободное время. М.: Мысль, 1967.
- Ерофеев В.В. Мужчины. М.: Подкова, 1999.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже (N) ственности: Сб. статей / Сост. С. М. Ушакин: НЛО, 2002. С. 432–351.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование реальности // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 171–182.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Панорама, 1995^а.
- Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Панорама, 1995^б.
- Коллонтай А. Любовь пчел трудовых. М; Пг.: Гос. изд-во. 1923^а.
- Коллонтай А. Предисловие. Резолюции Первого Всероссийского совещания работниц. Пг.: Гос. изд-во, 1920.
- Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. Пг; Харьков: Гос. изд-во, 1922.
- Коллонтай А. Труд женщины в эволюции хозяйства. 1923^б. Пг. С. 190.
- Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.
- Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2000. С. 275.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1898–1925. М.: ИМЛ: Гос. Изд-во политической литературы, 1953.
- Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» — Издательский дом Летний сад, 1999.
- Работница. 1923. № 10. С. 11.
- Ифнау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 26–27.

- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000. С. 91.
- Слесарев Г.А., Янкова З.А.* Женщина на промышленном предприятии и в семье // Социальные проблемы труда и производства. М.: Наука, 1969.
- Тёмкина А.* К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность // Фуко и Россия / Под ред. О. Хархордина. СПб.: ЕУСПб. Летний Сад, 2002.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е годы: город. М., 2001⁶. С. 176.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001⁶.
- Чернова Ж.* Романтик нашего времени: с песней по жизни // О муже (N) ственности: Сб. ст. / Сост. С.М. Ушакин: НЛО, 2002. С. 452–479.
- Чуйкина С.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2002.
- Чуйкина С.* Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920-1930-х годов. Автореф. канд. дис. СПб ФИС РАН, 2000.
- Чуйкина С.* Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сб. / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. Труды ЦНСИ. СПб. 1996. № 4. С. 61–81.
- Шеглов Ю.* Комментарии // И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Панорама, 1995.
- Ashwin S.*, ed. *Gender, State and Society in Soviet and Post-soviet Russia*. L.: N. Y. 2000; *Kon I.* *The Sexual Revolution in Russia*, N. Y., 1995.
- Connell R.* *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. L., 1987. P. 126.
- Dallin A.* Conclusion // *Women in Russia* / Ed. D. Atkinson, A. Dallin and G. Lapidus. Stanford. Calif.: Stanford Univ. Press, 1977. P. 386–400.
- Farnsworth B.* Bolshevik Alternative and the Soviet Family: The 1926 Marriage Law Debate // *Women in Russia* / Ed. By D. Atkinson, A. Dallin and G. Lapidus. Stanford. Calif.: Stanford Univ. Press, 1977. P. 139–166.
- Kukhterin A.* Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / Ed. S. Ashwin. L.: N. Y.: Routledge, 2000. P. 71–90.
- Lapidus G.* Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // *Women in Russia* / Ed. By D. Atkinson, A. Dallin and G. Lapidus. Stanford. Calif.: Stanford Univ. Press, 1977. P. 115–138.
- Rotkirch A.* The Man's Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Helsinki. University of Helsinki – Dep. Of Social Policy. Research Report. 2000. № 1.
- Tartakovskaya I.* The Changing Representation of Gender Roles in the Soviet and Post-Soviet Press // *Gender, State and Society in the Soviet and Post-Soviet Russia* / Ed. S. Ashwin. L.: Routledge, 2000. P. 118–136.
- Timasheff N.S.* *The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia*. N. Y.: E.P. Dutton and Company Inc, 1946.

Елена Здравомылова
к.с.н., доцент, Европейский
Университет в Санкт-Петербурге,
электронная почта: zdrav@eu.spb.ru

Анна Тёмкина
PhD, доцент, Европейский
Университет в Санкт-Петербурге,
электронная почта: temkina@nevsky.net